

Генерал Пабло Гонсалес

и именно с ним трудящиеся Мексики связывали свои надежды на социально-экономические преобразования. Потеряв руку в битве с Вильей летом 1915 года, он страстно ненавидел последнего, что, по мнению Каррансы, навсегда исключало даже тактический союз этих двух самых популярных мексиканцев того времени.

Пабло Гонсалес был гораздо ближе к президенту, так как в годы войны против Уэрты командовал северо-восточными частями конституционалистов в Коауиле, родном штате Каррансы. Однако, в отличие от Обрегона, его армия не могла похвастаться крупными удачами в битвах с Уэртой, а от Вильи Гонсалес потерпел ряд чувствительных поражений. Его авторитет в войсках за пределами собственных частей не шел ни в какое сравнение со славой Обрегона, которого даже американская печать величала «Наполеоном Западного полушария». Но именно на зависть Гонсалеса по отношению к Обрегону и делал ставку Карранса. К тому же он послал Гонсалеса на борьбу с Сапатай, чтобы исключить даже намек на возможность взаимопонимания между своим генералом и лидером крестьян юга Мексики. Карранса прекрасно понимал, что, объединившись, Гонсалес и Сапата могут захватить Мехико в течение суток.

Таким образом, лавируя и интригуя, Карранса стал постепенно укреплять свою власть в стране. 11 марта 1917 года прошли президентские выборы – в условиях фактического военного положения и при открытом вмешательстве армии в избирательный процесс на большей части территории Мексики. Карранса победил, получив 197 тысяч голосов из 213 тысяч (в стране в то время жили примерно 14,5 миллиона человек).⁸ Оставшаяся доля пришлась на Гонсалеса и Обрегона, хотя оба генерала формально под-

⁸ Womack J. The Mexican Revolution // Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 178

держивали Каррансу и выставили свои кандидатуры только для того, чтобы придать выборам видимость конкурентности.

Выборы, как и до революции 1910 года, сопровождались массовыми фальсификациями и запугиванием избирателей. Из 3 миллионов имевших право голоса мексиканцев на избирательные участки явились фактически только военнослужащие, голосовавшие так, как им скажут офицеры, чиновники и члены их семей. Помещики приводили целыми колоннами на избирательные участки своих батраков-пеонов и прямо у избирательных урн выплачивали им дневную заработную плату за исполнение гражданского долга – от 50 сентаво до одного песо. К тому же многие пеоны в то время работали даже не на бывших помещиков, а на генералов революционной армии, которые управляли «временно конфискованными» поместьями зачастую еще более эксплуататорскими методами, чем прежние хозяева-контрреволюционеры.

Но победа Каррансы оказалась пирровой. На проходивших одновременно с президентскими парламентских выборах избрали в основном кандидатов, оппозиционно настроенных по отношению к Каррансе. Формально оглушительную победу одержала Либерально-конституционалистская партия, созданная еще в годы войны с Вильей Обрегеном и Каррансой. Однако фактически кандидатов в Конгресс на местах отбирали генералы революционной армии, и поэтому парламент стал гораздо более радикальным, чем того хотел Карранса. К тому же большинство депутатов с самого начала ориентировались на Обрегона, которого считали, в отличие от Каррансы, настоящим революционером. 15 апреля 1917 года, когда мексиканский парламент собрался на свое первое заседание, выяснилось, что «обрегонистов» в нем примерно в четыре раза больше, чем каррансистов. Конгресс с самого начала дал понять Каррансе свое оппозиционное настроение: депутаты отказались подтвердить полномочия его ближайшего друга – Палавичини, избранного от штата Табаско и слывшего главным врагом Обрегона среди окружения президента.⁹

Неудивительно, что Карранса решил устранить Обрегона с политической арены. Под давлением президента Обрегон 1 мая 1917 года подал в отставку с поста военного министра и удалился в свой родной штат Сонору, где занялся бизнесом. Карранса решил вообще не назначать нового главу министерства – преемник Обрегона Хесус Кастро именовался только заместителем министра. Этот шаг был подан Каррансой как очередной успех в борьбе с «милитаризмом».

Чтобы компенсировать неудачу с подбором депутатов в Конгресс, Карранса активно сконцентрировался на выборах губернаторов штатов, которые в условиях мексиканского федерализма зачастую имели на ме-

⁹ Cumberland C. C. Mexican Revolution. The Constitutionalist years. Austin, 1972. P. 363

стах более высокий авторитет, чем центральные власти в далеком Мехико. Временными губернаторами президент назначал, как правило, военных, так как по конституции временные губернаторы штатов не имели права баллотироваться на выборах в «постоянные». В крайне важном с финансовой точки зрения штате Веракрус, где находилась крупнейшая таможня Мексики – фактически основной источник бюджетных поступлений, Карранса пролоббировал избрание губернатором своего зятя Кандидо Агилара.¹⁰ Лично для президента Веракрус имел и другое важное значение: в случае военного мятежа в Мехико он намеревался бежать в этот портовый город, который было довольно легко оборонять и откуда всегда можно было уехать в эмиграцию. Карранса помнил, что когда части Сапаты и Вильи выбили его из столицы в конце 1914 года, то именно в Веракрусе удалось восстановить силы и перейти в контрнаступление. В штате Пуэбла, который находился как раз между Веракрусом и Мехико, Каррансе удалось продавить на пост губернатора сына своего министра финансов.

В целом Карранса мог быть доволен губернаторскими выборами в штатах в 1917 году – из 19 избранных губернаторов 14 считались надежными союзниками «дона Венуса». Несмотря на крайне напряженную предвыборную ситуацию в ряде штатов, например в Мичоакане, удалось избежать открытых мятежей против правительства со стороны проигравших кандидатов. Только три губернатора открыто выражали свою оппозиционность Каррансе. И самым опасным среди них был губернатор Соноры, «колыбели» мексиканской революции, – Плутарко Кальес.¹¹

Кальес служил в частях Обрегона во время кампании против Уэрты, но имел и самостоятельную репутацию относительно успешного генерала. Он разбил части Вильи, правда, серьезно ослабленные предыдущими поражениями от Обрегона, под городом Агуа-Приета в конце 1915 года, чем фактически закончил гражданскую войну в стране. Кальес слыл радикалом и даже «большевиком». Он активно проводил в Соноре аграрную реформу, открывал десятки бесплатных школ для бедных слоев населения и изгнал из штата всех католических священников. Карранса помнил, что именно Сонора с ее богатыми материальными ресурсами сыграла решающую роль

¹⁰ Кандидо Агилар родился в штате Веракрус 23 февраля 1889 года и до революции 1910–1911 года работал на ранчо своего отца. Принял участие в вооруженной борьбе против Порфирио Диаса и получил от президента Мадеро офицерское звание, но не армейское, а в ополчении, что было ниже по статусу. Агилар участвовал также в вооруженных операциях против частей Паскуаля Ороско, Феликса Диаса и Эмилиано Сапаты. В 1914–1916 годах был губернатором Веракруса, с марта по ноябрь 1916 года и с февраля по ноябрь 1918-го – министром иностранных дел в федеральном правительстве. Также был первым вице-президентом конституционного Конвента в Керетаро.

¹¹ Биографию Кальеса см. Krause E. Plutarco E. Calles. Reformar desde Origen. Mexico, 1987.

в победе восстания против федерального правительства Уэрты в 1913–1914 годах. Кальес мог вполне повторить этот успех и в отношении администрации Каррансы, которого презирал именно за отказ проводить в стране широкие социально-экономические преобразования.

Но до поры до времени Кальес и Обрегон не выказывали явных стремлений свергнуть Каррансу. Ведь в условиях 1917 года это могло бы привести к очередной ширококомасштабной войне, вовсе не нужной и без того измученному населению. Любой мятеж против Каррансы мог вызвать новый приток пополнений в отряды Сапаты и Вильи, а также побудить отдельных местных генералов к провозглашению собственных «планов» по занятию президентского поста. (Как мы помним, всякое хоть мало-мальски значимое восстание по традиции называлось «революцией» и начиналось с провозглашения «плана» – то есть политической программы повстанцев.) Весь этот хаос почти наверняка привел бы к военной интервенции США. А американцы, вступив в Первую мировую войну, в апреле 1917 года ввели воинскую повинность и содержали под ружьем миллионную армию.

Итак, пока Карранса формально обладал всей полнотой власти в стране, за исключением тех районов, где шла борьба с силами Эмилиано Сапаты, Феликса Диаса и Панчо Вильи.

Основной проблемой нового правительства было сложное экономическое положение страны. Конечно, революция и гражданская война в Мексике 1910–1917 годов не имели для экономики столь разрушительного значения, как аналогичные события в России в 1917–1920 годы. Некоторые мексиканские штаты, например Юкатан, вообще не пострадали от боевых действий. К тому же там, где эти боевые действия велись (прежде всего на севере страны), почти все противоборствующие стороны старались беречь предприятия и жилые постройки. Именно полностью сохраненные крупные латифундии севера (асиенды) были реквизированы революционерами и служили источниками финансирования в борьбе с правительственными войсками Уэрты. В Соноре и Чиуауа армии Обрегона и Вильи продавали с конфискованных асиенд скот в США и закупали там оружие. В самой Мексике до прихода к власти Каррансы военной промышленности практически не существовало, хотя Уэрта и пытался ее создать.

Однако к 1917 году поголовье скота сильно уменьшилось, и даже на севере страны, где мясо было повседневной едой, начался голод. К тому же американцы резко ограничили импорт мексиканского скота, будучи крайне недовольны новой мексиканской конституцией. Фактически США требовали от Мексики выполнения трех условий в качестве предпосылок для возобновления полномасштабных торгово-экономических отношений: возмещения убытков американских граждан, которые те потерпели в годы гражданской войны; начала погашения внешнего долга страны иностранным кредиторам (причем, опять же, всех долгов, включая и те, что были сде-

ланы нелегитимным правительством генерала Уэрты, не признанным даже самими США); фактического отказа от введения в силу положений статьи 27 Конституции 1917 года в отношении американских нефтяных компаний – на практике это означало бы экстерриториальность американского бизнеса в Мексике.

Карранса, как уже упоминалось, являлся последовательным националистом и относился к США, мягко говоря, очень прохладно. «Дон Венус» был готов обсуждать первые два пункта американских требований, ибо и сам ратовал за священность права частной собственности. Но в отношении конституции Карранса ни на какие уступки идти не желал – он был твердо убежден, что недра Мексики должны принадлежать только мексиканцам.

В подобных мыслях не содержалось ничего радикального, тем более «большевистского», хотя американские СМИ часто именовали помещика Каррансу «красным» или «большевиком». Еще испанские завоеватели Мексики провозгласили все недра собственностью короны, то есть государства. Им не перечили и мексиканские либералы, в частности Хуарес, чьи традиции формально продолжала революция. Даже диктатор Порфирио Диас пытался в 1907–1909 годах реформировать мексиканское законодательство о недрах, чтобы закрепить их принадлежность всей нации. Кстати, именно поэтому американцы в 1910-м поддержали вооруженное восстание против Диаса.

Но в 1917 году вопрос о недрах, прежде всего о нефти, стал вопросом жизни и смерти мексиканского государства. Правительство Каррансы тратило в месяц примерно 16,5 миллиона песо, из которых 10 миллионов шло на нужды армии.¹² В рядах армии числились примерно 120 тысяч военнослужащих (на самом деле солдат было менее 80 тысяч, офицеры и генералы просто присваивали себе жалование «мертвых душ»). Карранса, как уже упоминалось, по соображениям внутривнутриполитического характера не мог радикально сократить армию, не рискуя спровоцировать военный мятеж.

Доходы правительства Каррансы в месяц составляли не более 11 миллионов песо. Эта сумма даже превышала аналогичный показатель времен Диаса, однако ее не хватало для нормального функционирования правительства в условиях военного положения во многих районах Мексики. Пока разницу между доходами и расходами удавалось погашать за счет займов у частных банков, но эти деньги кончались. Каррансе срочно нужен был иностранный заем. Он помнил, что именно неудача Уэрты с получением кредита за рубежом привела его режим к банкротству и поражению в гражданской войне.¹³

¹² Womack J. *The Mexican Revolution // Mexico since Independence*. London, Cambridge University Press, 1991. P. 178

¹³ Meyer M. *Huerta. A political portrait*. Lincoln, University of Nebraska Press, 1972. P. 178–190

В разгар Первой мировой войны Карранса мог занять деньги только у США, так как страны Антанты и Четверного союза не выделили бы ни сантима, пфеннига или копейки в пользу далекой от театров военных действий Мексики. Американцы же, как упоминалось выше, требовали от Каррансы фактической ревизии только что принятой конституции. Если бы президент и принял это капитулянтское условие, его режим немедленно смело бы народное восстание под руководством Обрегона и Кальеса и при поддержке Вильи, постоянно величавшего Каррансу «креатурой проклятых янки».

Американские нефтяные компании в Мексике под защитой отрядов Пелаеса встали на путь откровенного саботажа – они снижали производство, мотивируя это неясностью своего правового статуса после принятия конституции. Одновременно их лоббисты в Вашингтоне пытались побудить правительство США к открытой военной интервенции в Мексике. Явно антиправительственная политика американских промышленников не только подрывала престиж Каррансы как главы суверенного государства, но и лишала новый режим важного источника финансирования – налогов и экспортных пошлин, взимавшихся при вывозе нефти.

Поэтому Карранса пытался всячески лавировать между США, Германией и Японией, что было не так уж сложно, учитывая сумятицу военного времени.

Осенью 1916 года Карранса обратился к Германии с просьбой о поставках оружия.¹⁴ В то время, как мы помним, на территории Мексики находилась карательная экспедиция армии США во главе с генералом Першингом, по официальной версии направленная для преследования Вильи после дерзкого рейда последнего на американский городок Колумбус в марте 1916 года. Карранса не исключал полномасштабной войны с США и крайне нуждался во внешнеполитическом союзе с Берлином. Но Германия не желала обострять отношения с США, которые хотя и помогали Антанте оружием и снаряжением, но все же пока непосредственно не участвовали в войне.

Однако политика Германии коренным образом изменилась уже в первые месяцы 1917 года. В Берлине решили, что самым кратким путем к капитуляции Англии будет неограниченная подводная война против всех судов, доставлявших товары на Британские острова. Многие из этих судов были американскими, и их потопление могло спровоцировать вступление США в войну. Но немцы считали, что поставят Англию на колени быстрее, чем США перебросят вооруженные силы в Европу. В этих условиях Германия стремилась заключить с Мексикой военный союз, чтобы американцы оказались втянутыми в войну на своей южной границе и забыли о Европе.

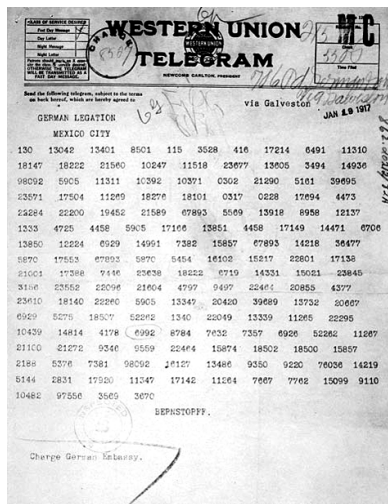
19 января 1917 года фактический министр иностранных дел Германии Артур Циммерман в шифрованной телеграмме, адресованной германскому

¹⁴ Tobler H. W. Die mexikanische Revolution. Frankfurt am Main, 1984. S. 336

посольству в США для передачи в дипмиссию Германии в Мехико, предложил Мексике совместное объявление войны США. Немцы гарантировали финансовую и военную помощь, а также присоединение к Мексике всех территорий (штатов Техас, Аризона и Нью-Мексико), отторгнутых у нее США в ходе войны 1846–1848 годов, что увеличило бы территорию страны примерно в два раза. Однако телеграмма Циммермана была перехвачена британской разведкой. Англичане сначала частично, а затем полностью рас-

шифровали текст и через месяц передали его американцам. Сразу передавать США расшифрованный текст не стали, чтобы немцы не сменили код.¹⁵ В Вашингтоне депеша вызвала переполох, и ее решили опубликовать, что и было сделано 28 февраля 1917 года.

Полный текст телеграммы Циммермана гласил: «Мы намереваемся начать 1 февраля неограниченную подводную войну. Попытаемся, несмотря на это, сохранить Америку нейтральной. Если это не удастся, предложите Мексике союз на следующих условиях. Совместное ведение войны. Совместное заключение мира. Достаточная финансовая поддержка и согласие с нашей стороны на то, что Мексика снова получит ранее утерянные территории в Техасе, Нью-Мексико, Аризоне. Частности передаются на усмотрение Вашего Высочородия. Ваше Высочородие в строжайшей тайне сообщит президенту вышеупомянутое, как только начало войны против Соединенных Штатов станет неминуемым, и прибавит предложение немедленно пригласить Японию присоединиться (к союзу) и одновременно посредничать между нами и Японией. Пожалуйста, укажите президенту на то,

Телеграмма Циммермана

территории в Техасе, Нью-Мексико, Аризоне. Частности передаются на усмотрение Вашего Высочородия. Ваше Высочородие в строжайшей тайне сообщит президенту вышеупомянутое, как только начало войны против Соединенных Штатов станет неминуемым, и прибавит предложение немедленно пригласить Японию присоединиться (к союзу) и одновременно посредничать между нами и Японией. Пожалуйста, укажите президенту на то,

¹⁵ Первоначально англичанам удалось дешифровать следующий текст: «Гриф Совершенно секретно. Начало неограниченной подводной войны намечено на 1 февраля 1917 тчк Тем не менее, надеемся удержать Америку нейтральной тчк Если это не...то мы делаем (Мексике?) следующее предложение о союзе..ведение войны... мирный договор... Вы... президенту... сообщить в совершенной тайне...(Начало?) войны с Соединенными Штатами... (Япония)...должна посредничать тчк Пожалуйста разъясните президенту, что.... подводные лодки... заставят Англию в течение нескольких месяцев заключить мирный договор тчк Подтвердите получение». Криптографы британской разведки вычислили, что цифры 67893 в телеграмме означают слово «Мексика». Посольство Германии в США передало телеграмму в дипмиссию в Мехико с помощью другого кода, уже известного англичанам, и те смогли наконец полностью прочитать текст.

что неограниченное применение наших подводных лодок сейчас открывает перспективу заставить Англию в течение нескольких месяцев заключить мир. Подтвердите получение. Циммерман»

Каррансе пришлось отмежеваться от всех контактов с Берлином. Иным образом мексиканский президент в тот момент поступить не мог – части карательной экспедиции Першинга после долгих и мучительных переговоров стали наконец покидать мексиканскую территорию. Карранса не хотел давать президенту США Вильсону ни малейшего предложения для задержки Першинга в Мексике. 14 апреля 1917 года Карранса формально ответил немцам отказом.

За неделю до этого США вступили в войну против Германии (для обработки настроенного в целом пацифистски американского общественного мнения Вильсон использовал именно телеграмму Циммермана), и Карранса мог уже не опасаться широкомасштабного военного вторжения со стороны северного соседа.

Да и Вудро Вильсон, давно мечтавший о вступлении в войну на стороне Антанты, изменил отношение к Каррансе, которого недолюбливал. Назначенный в феврале 1917 года послом США в Мехико Генри Флетчер получил от Вильсона инструкции любыми способами избежать того, чтобы спровоцировать мексиканского президента на антиамериканские действия.

26 февраля посол Флетчер встретился по заданию госдепартамента с министром иностранных дел Мексики Кандидо Агиларом (хотя изначально должен был добиваться встречи с Каррансой, чтобы зачитать ему телеграмму Циммермана и вынудить прокомментировать ее публично). Выслушав текст телеграммы, Агилар удивился и сказал, что германский посланник в Мехико Экхардт никаких предложений такого рода ему не делал. Может, посланник говорил об этом с Каррансой, но он, Агилар, не в курсе. Между тем Экхардт 5 февраля получил от Циммермана указание немедленно предложить Мексике союз, не дожидаясь вступления США в войну, если текст телеграммы каким-либо образом станет известным американцам. Однако Карранса находился в штате Халиско, и Экхардт не смог вовремя с ним встретиться.¹⁶

На самом деле Агилар, мягко говоря, дезинформировал Флетчера. 20 февраля германский посланник все-таки проинформировал мексиканского министра иностранных дел о содержании телеграммы Циммермана. Агилар немедленно ответил согласием и сразу же установил контакт с японским посланником.¹⁷ 26 февраля Экхардт снова поднял вопрос о германо-

¹⁶ Haley P. E. *Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico, 1910–1917*. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 250–251

¹⁷ Haley P. E. *Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico, 1910–1917*. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 251

мексиканском союзе в беседе с Агиларом. Но в тот же день к Агилару прибыл Флетчер, и мексиканцы поняли, что тайная дипломатия Берлина уже не является тайной.

Вступив в войну, администрация Вильсона старалась без нужды не задеть национальные чувства южных соседей, и, к неудовольствию бизнесменов США, президент оставался глухим к жалобам американских нефтяных компаний в Мексике на Конституцию 1917 года. Он лишь пообещал вплотную заняться этим вопросом после окончания мировой войны.

Карранса явно наслаждался полученной им после вступления США в войну в Европе свободой внешнеполитического маневра. В феврале 1917 года Мексика выступила с инициативой создания в западном полушарии «блока нейтралов». Этот шаг вызвал одобрение Берлина и явное неудовольствие США – американцы хотели под предлогом войны получить военные базы в латиноамериканских странах. Вильсон ужесточил торговые санкции против Мексики. Отныне американские компании лишались права продавать южному соседу не только оружие, но и продовольствие. В Мексике начался голод.

Финансовое положение Каррансы в условиях фактического американского эмбарго стало катастрофическим, и в апреле 1917 года он решился наконец прижать американский нефтяной бизнес в Мексике. Было объявлено о введении экспортного налога в 10% на вывоз мексиканской нефти. Американские нефтяные компании опять запротестовали, но правительство Вильсона не нашло формального повода для осуждения. К тому же вступившим в войну США была необходима мексиканская нефть.

Посол США в Мехико Флетчер сообщил 10 апреля 1917 года, что Мексика готова вообще прекратить экспорт нефти из порта Тампико. Госсекретарь Лансинг немедленно предложил Вильсону оккупировать Тампико. Однако президент в ответном письме своему госсекретарю был вынужден признать, что, «к сожалению», мексиканское правительство имеет законное право делать со своей нефтью все, что захочет.¹⁸ Правда, Вильсон пытался побудить англичан совершить оккупацию Тампико, но те были слишком заняты войной в Европе.

Вильсон не стал нажимать на Мексику еще и потому, что в выступлении перед Конгрессом 15 апреля 1917 года Карранса объявил о мексиканском нейтралитете в Первой мировой войне, чего и добивался президент США. Карранса расценил молчание Вильсона как победу и продолжил наступление на «нефтяном фронте». В июне 1917 года он запретил иностранным компаниям бурение на участках, сданных в аренду после 5 февраля, то есть по-

¹⁸ Haley P. E. *Revolution and Intervention: The Diplomacy of Taft and Wilson with Mexico, 1910–1917*. The Massachusetts Institute of Technology, 1970. P. 255

сле вступления в силу новой мексиканской Конституции.¹⁹ 19 февраля 1918 года был опубликован декрет, по которому все иностранные добывающие компании были обязаны заплатить мексиканскому правительству роялти за право добычи нефти, причем и в тех районах, где добыча шла задолго до принятия конституции.²⁰ Вплоть до уплаты роялти иностранным компаниям запрещалось бурить новые скважины даже в пределах уже находящихся в их руках территорий. Одновременно иностранцам предписывалось срочно перерегистрировать свои концессионные права на добычу нефти у мексиканских властей.

На сей раз правительство Вильсона выступило с резким протестом и расценило декрет Каррансы как противоправное применение мексиканской конституции задним числом. Особое возмущение Вашингтона вызвало именно требование о повторной регистрации прав на добычу. Американские газеты стали называть Каррансу большевиком и писать о «советской Мексике».

Никаким большевиком помещик Карранса, как мы уже не раз говорили, конечно, не был, однако события в далекой России имели прямое отношение к его политике. После декрета Ленина о мире в ноябре 1917 года Россия фактически вышла из войны. Карранса расценил это как удар по США – ведь теперь германская армия с восточного фронта будет переброшена на западный и нанесет поражение необстрелянным «пончикам» (так называли солдат американской экспедиционной армии в Европе).

К тому же сразу после социалистической революции в России немцы возобновили свой флирт с Каррансой и через посольство в Мехико предложили ему кредит в 70 миллионов песо в обмен на мексиканский нейтралитет в войне. Карранса был не против, однако инициатива германского посольства тогда не была поддержана в Берлине. Немцев охватила самоуверенность – после выхода России из войны они рассчитывали быстро покончить с Антантой без помощи далекой Мексики.

Весь 1917 год Карранса пытался получить кредит в США, и перейти на открыто антиамериканские позиции заставил его в числе прочих причин крах этих попыток. 8 мая 1917 года он запросил у Конгресса полномочия на учреждение центрального банка страны, чтобы привести в порядок крайне обесценившуюся мексиканскую валюту. Конгресс не возражал, но центральному банку требовался первоначальный капитал – причем в твердой валюте.

Через мексиканских банкиров правительство попросило у крупнейшего финансиста США Моргана поддержки в получении кредита у консорциума американских банков. Однако Морган порекомендовал обратиться к пре-

¹⁹ Shafer R. J., Mabry D. J. *Neighbors – Mexico and the United States: Wetbacks and Oil*. Chicago, Nelson-Hall, 1981. P. 28 –31

²⁰ Tobler H. W. *Die mexikanische Revolution*. Frankfurt am Main, 1984. S. 338

зиденту Вильсону. В мае 1917 года по приглашению Каррансы в Мехико прибыла делегация американских банкиров для анализа экономической ситуации в стране (к удивлению гостей, они не заметили никаких вызванных гражданской войной разрушений). Визит американских финансистов заставил Германию опять предложить Мексике военный союз, но Карранса вновь ответил отказом. В июне министр финансов и ближайший соратник Каррансы Кабрера (его американские газеты тоже именовали то большевиком, то анархистом) официально объявил о желании Мексики получить кредит в американских банках. 23 июля Конгресс дал Каррансе полномочия занять за рубежом 250 миллионов песо, из которых 100 миллионов должны были стать учредительным капиталом центрального банка страны. В Нью-Йорке продолжались неофициальные переговоры с Морганом – мексиканцы соглашались выплатить из нового кредита часть обязательств по внешним долгам и компенсировать убытки американских граждан в годы революции и гражданской войны.

Карранса подчеркивал свое уважение к частной собственности и поощрял начавшийся возврат асиенд бывшим помещикам. Особое впечатление в США произвело сообщение о возврате земельной собственности бывшему министру финансов в правительстве диктатора Диаса – Лимантуру, которого в Мексике все считали ставленником иностранного капитала. В начале августа 1917 года в беседе с послом США Карранса заверил его, что применение статьи 27 Конституции ни в коем случае не будет означать конфискации собственности американских нефтяных компаний. Внимательно наблюдавшие за американо-мексиканскими контактами немцы опять предложили Каррансе военный союз против США и опять наткнулись на отказ.

Казалось, что Карранса близок к успеху. 20 августа 1917 года госдепартамент США официально заявил, что одобряет кредиты американских банков мексиканскому правительству. 31 августа правительство Вильсона признало режим Каррансы де-юре, а уже на следующий день Карранса направил Кабреру в США для ведения официальных переговоров о кредите. В качестве жеста доброй воли власти США передали Мексике задержанные ранее американской таможенной партией оружия и боеприпасов, закупленные правительством Каррансы.

Однако все усилия Каррансы оказались бесплодными. Без правительственных гарантий давать деньги революционной стране воротили Уолл-стрит не желали. Морган в Нью-Йорке опять переадресовал Кабреру в госдепартамент. Там посланцу заявили, что смогут гарантировать кредит американских частных банков Мексике, только если она вступит в войну против Германии, причем Вильсон предложил занять деньги не у частных банков, а у правительства США. Карранса решительно отказался – он прекрасно понимал, что вслед за таким кредитом в страну могут опять прийти американские солдаты. Правительство США в ответ ограничило экспорт

Фабрика нефтяной компании «Эль Агила» в Тампико, 1920 год

золота в Мексику. Это означало, что мексиканские компании не смогут приобретать в США ни продовольствия, ни оборудования, – вся торговля в военное время велась только за золото. 1 ноября 1917 года Кабрера прервал переговоры в Нью-Йорке, обвинив американские нефтяные компании в их срыве, что было чистой правдой, хотя и не полной.

Карранса все еще пытался спасти положение и согласился на учреждение совместной мексикано-американской комиссии по определению объемов ущерба американских граждан в Мексике. Однако и это не смягчило позицию американских властей, в связи с чем Кабрере пришлось несолоно хлебавши отбыть в Мексику в декабре. В это же время на деньги американского нефтяного гиганта «Стандард Ойл» готовилось реакционное восстание против Каррансы.

Как раз в декабре 1917 года, решив воспользоваться крахом миссии Кабреры, посольство Германии в Мехико и предложило на свой страх и риск Каррансе кредит в 70 миллионов песо, о котором упоминалось выше.

Финансовое положение мексиканского правительства после провала переговоров в США и отказа Берлина от планов собственной дипмиссии в Мехико стало угрожающим. Карранса решил попробовать мобилизовать внутренние ресурсы страны. Он поручил генералу Пабло Гонсалесу срочно захватить штат Морелос – крупнейший в Мексике производитель сахара, который можно было продавать на внешнем рынке. Одновременно войска двух лучших генералов правительственной армии Дьегеса и Мургуи должны были ударить в направлении нефтяного района Тампико, чтобы разбить Пелаеса и установить реальный контроль центральных властей над важнейшим районом нефтедобычи. Наконец, президент обратился с просьбой о помощи к Великобритании, обещав англичанам не трогать их нефтяную компанию «Агила» (в свое время ее организовали при личном участии диктатора Диаса, что давало Каррансе законное право ее национализировать).

Но все описанные выше меры еще предстояло реализовать, причем исход боев в Морелосе и Тампико был отнюдь не предрешен заранее. А деньги Каррансе требовались срочно. В армии началось недовольство задержкой вы-

платы жалованья, что использовали в своих интересах многочисленные местные «генералы» и «полковники», стремившиеся переключить гнев своих солдат на центральное правительство. 17–25 ноября 1917 года Карранса провел в Мехико национальный съезд мексиканских промышленников.²¹ Но те не стали делиться с правительством деньгами, а, наоборот, выступили против новой конституции и любого вмешательства государства в деятельность своих предприятий.

Видимо, такая позиция объяснялась в числе прочего и явными неудачами правительственных сил в районе Тампико. Там Каррансу настигли собственные интриги, которые он, как уже упоминалось, разжигал среди своих генералов. Когда Дьегес выступил на Тампико, Мургуя не стал присоединяться к нему, сославшись на возросшую активность отрядов Вильи в Чиуауа. Гонсалес, несмотря на зверства его войск в Морелосе, пока смог захватить лишь треть крошечного штата. У англичан удалось занять наличными 3 миллиона долларов, но этого было явно недостаточно.

1 января 1918 года сторонники Обрегона в формально правящей Либерально-конституционалистской партии впервые выступили с открытой критикой Каррансы из-за вмешательства последнего в выборы губернаторов штатов. Фактически это означало, что Обрегон начал избирательную кампанию, хотя выборы президента должны были пройти в 1920 году. 12 января 1918 года, сославшись на активность отрядов Вильи вдоль границы, США опять направили войска в Мексику, хотя и на короткий срок. Спустя два дня был раскрыт военный заговор против правительства, причем не где-нибудь, а в гарнизонах Мехико и Веракруса – ключевых городах страны.

Чтобы подавить внутреннее недовольство в стране, уставшей ждать социально-экономических преобразований, Карранса решил сыграть на патриотических чувствах мексиканцев. В феврале 1918 года он объявил о вышелепмянутых мерах против иностранных (в конкретных условиях – американских) нефтяных компаний. Карранса угрожал приостановить силой операции всех компаний, которые до 20 мая 1918 года не зарегистрируют у мексиканского правительства свои права на добычу.

Декрет Каррансы приветствовали в Берлине. Германская армия готовилась к решающему наступлению на западном фронте, и любые конфликты между Мексикой и США могли иметь решающее значение для успеха броска немцев на Париж. Из Берлина пришло сообщение об одобрении кредита Мексике, хотя и на весьма скромную сумму: 5 миллионов песо. Деньги планировалось выплатить со счетов в нейтральной Испании.

Американские нефтепромышленники ответили организацией нового заговора против Каррансы. На сей раз президентом хотели сделать бывшего

²¹ Womack J. The Mexican Revolution // Mexico since Independence. London, Cambridge University Press, 1991. P. 181

соратника «дона Венуса» Альфредо Роблеса Домингеса. 2 апреля 1918 года государственный департамент США заявил, что новый декрет Каррансы может заставить правительство США принять меры по защите собственности своих граждан в Мексике. В воздухе явно запахло большой американо-мексиканской войной.

Карранса срочно направил своего представителя на переговоры с немцами в Мадрид. Тогда казалось, что германские войска вот-вот возьмут Париж. Но пока Каррансе пришлось продлить срок ультиматума американским нефтяным компаниям, который истекал 20 мая. 15 июля 1918 года немцы возобновили наступление, и 31 июля Карранса продлил срок ультиматума еще на две недели. Он ожидал, что за это время германская армия возьмет французскую столицу и войскам США во Франции будет нанесено сокрушительное поражение.

Однако 8 августа 1918 года (этот день германские генералы называли «черным днем») Антанта перешла в решительное контрнаступление, причем в значительной мере именно силами свежей американской армии. Немецкий фронт стал разваливаться. Поражение Германии стало очевидным для всего мира. Каррансе пришлось дать задний ход. 14 августа он фактически отменил ключевое положение своего собственного декрета о перерегистрации прав и поручил министру промышленности и торговли Пани начать с американскими нефтепромышленниками переговоры о выработке взаимоприемлемого варианта конкретного применения статьи 27 конституции.

За все время президентства Каррансы не было ни одного дня, когда бы в стране не происходили вооруженные столкновения повстанцев с правительственными войсками. Политические программы мятежников были самыми разными, но большинство справедливо упрекали Каррансу в предательстве идеалов революции. Тем более что «дон Венус» сам провозгласил: «Я не был революционером, не являюсь революционером и никогда не буду революционером».

Наиболее революционным массовым движением в Мексике к началу 1917 года оставалась Освободительная армия Юга во главе с Эмилиано Сапатай. Весь 1916 год примерно 5 тысяч сапатистов вели в своем родном Морелосе небывалую по ожесточенности войну с примерно 30 тысячами солдат правительственной армии во главе с Пабло Гонсалесом.²² Мы уже говорили, что репрессии Гонсалеса, считавшего всех жителей Морелоса «кровожадными сатирами и преступниками», против мирного населения превзошли даже ужасы времен Уэрты и Диаса. В ноябре 1916 года Гонсалес издал приказ о расстреле без суда любого, на кого падало хоть малейшее подозрение в связях с сапатистами. Например, поводом для расстрела могло быть появление у железной дороги без уважительной причины. Армия Гонсалеса вела себя

²² Womack J. Zapata and the Mexican Revolution. New York, 1968. P. 253